

Метаморфозы

Вы видели, как плачут в рощах сосны?
Их слезы так прозрачны и тягучи.
Они текут из раненных созвучий,
Таящихся в стволах, прямых как посох.

Их ветви – это руки. Утром россыпь
Росинок в них сверкает; каждый лучик
В них преломлён, как в строфах наилучших
Античных зодчих стройные колоссы.

Простерты эти руки надо мной.
В слезах чистейших, как в стихах Назона –
Вся Ойкумена, то есть Шар Земной.

Но лишь едва их тел коснется солнце,
Как предо мной уже совсем не сосны –
А новый Фидий строит Парфенон.

Небеса нависали, как тяжкий кулак,
Над домами, втянувшими головы в плечи.
Дождь, искавший отечество там, в облаках,
Обещал тополям возвратиться под вечер.

И они отверзали покорно уста,
Подставляя зеленые яркие губы.
Только их поцелуи насильно срывал
Жесткий норд,
мускулистый и яростно грубый!

Он валил их, безвольных, на серый асфальт
Чтобы снова и снова терзать и ласкать их.
Я шел мимо, как нити отбирая слова,
Чтоб поэмы соткать разноцветную скатерть.

Но я понял, что Воину Слова не быть
Всем законам послушным ткачом или пряхой,
Если образ отточенной стали блеснит,
Если рифмы остры, словно профили Гракхов!

Отступайте вельможи!.. Ваш Рим устарел!
Новым словом построятся новые грады!
И из павших стихов окровавленных тел
Возведу я на вашем пути баррикады!..

Сонет

Повисли звезды на небесной арке,
как связка четок в пальцах пилигрима.
И ночь, пропахшая табачным дымом,
в песок ложится, как усталый Хатхи.

В аду простынь мой разум лег золой,
покрывшей слоем след дневных безумий,
и череп мой, как огненный Везувий,
во мраке тлел потухшею звездой.

И мысли застревали в волосах
комками мокрой и холодной глины –
я возводил из них лачугу сна.

В которой жаждал обрести уют...
Но о тебе, которую любил я,
вонзилось сожаленье в плоть мою...

* * *

Ночь темна, как кофе
или лицо эфиопа,
убитого ударом ножа
в арбатских подворотнях.
Это – час апофеоза
тьмы, рождающей пьяниц и оборотней.
Меж частичками мрака,
зажатых в моих кулаках
грохочет ритм моего пульса,
будя заржавелые колокола.

И я знаю, когда-нибудь придет минута,
и эти колокола ударят в набат.
И тогда не наступит привычное утро
после ночи,
покорной,
как закованный раб.
И движенья людей будут так же усталы,
и слова, обращенные к проблескам алым,
будут, что очевидно, одними и те ж.
Только сердце –
налитая кровью пиала,
говорит, что давно уже здесь побывала
та звезда,
что несет за собою мятеж.

Монолог в подражание Есенину

Дорогая, просто больно...
Видишь –
будто по пустыне,
Гонят по зеленым волнам
Айсберг ветры-бедуины.

Дорогая, просто грустно
Знать, что после весен – зимы.
После солнца – серый студень
Неба, мокнущего ливнем.

**Дорогая, просто скучно
Жить, себя забравши в руки,
Средь уныло-равнодушных
И похожих друг на друга.**

**Дорогая, в этом мире
Кровью харкаю в душе я.
Как глаза у бога в Бирме
Неба голубая шея.**

**Кто поймет язык акаций?..
Все считают –
 просто за́пах.
Для тебя был их акафист,
Исполняемый на память.**

**Дорогая, просто люди
Не привыкли видеть краски.
Им по вкусу – серость будней,
А влюбленный –
 это каста!..**

Полет

**Небосклон наверху оцетинился, мрачен
И сквозь черную шерсть проблескнула звезда.
Я прошел по земле, как и все изначала,
Чтоб себя на распятие ордам отдать.**

**Я рванулся отсюда в небесные выси,
Душу хрупкую освобождая от пут,
Напрямую в по небу разлитую известь,
Что земляне созвездьями чудно зовут.**

**Хорошо мне!.. Одетый в галактик лохмотья,
Я иду по Вселенной, не согнувший колен.
Млечный Путь, словно шарф,
 согревает мне глотку,
Что никак я сберечь не умел на Земле.**

**И космический ветер нависшие лохмы
Отдувает назад, овевая лицо.
Я еще не нашел здесь обители Бога,
Здесь, где нет ни начал и не видно концов.**

**В этот час по планете проносятся тени,
Из дымящихся туч прорывается дождь.
Я иду по Вселенной, не согнувший коленей,
Оставляя следы загорбелых подошв.**

Заур Мехтиев

Литературный Азербайджан. – 2021. – №11. – С.128-130.